

УДК 2-472; 37.017; 930.85

**ВОЙНА, ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА:
МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛА
«МИССИОНЕРСКИЙ СБОРНИК»
(1914–1916)**

Игумен Виталий
(Уткин Игорь Николаевич)
секретарь Ученого совета,
преподаватель Свято-Алексеевской
Иваново-Вознесенской православной
духовной семинарии
E-mail: inok_vitl@mail.ru

Для цитирования: *Виталий (Уткин И.Н.), игум.* Война, Церковь и школа: материалы журнала «Миссионерский сборник» (1914–1916) // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 3 (12). С. 72–81.

Аннотация

В статье предпринята попытка осмыслить принципы национальной школы, разработанные миссионерским сообществом в предреволюционный период. Впервые вводится в научный оборот ряд материалов одного из крупнейших дореволюционных миссионерских журналов «Миссионерский сборник». Автор приходит к выводу, что перед Октябрьской революцией 1917 г. миссионерское сообщество значительно отклонилось от идеалов и принципов святоотеческой педагогики.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; миссионерское сообщество; педагогические идеалы; православная педагогика; рационализм; национальная школа.

Первая мировая война вызвала активную полемику по самым разным вопросам в церковной и светской периодической печати. Среди них значимое место занимали попытки осмыслить проблемы образования и шире – принципы, на которых должна строиться русская национальная школа. Однако эти дискуссии даже в

духовной периодике оставались весьма далекими от основ свято-отеческой педагогики и от церковности как таковой.

Достаточно репрезентативными для данной проблемы можно считать публикации такого значимого церковного издания, как журнал «Миссионерский сборник». Он издавался в 1891–1918 годах в Рязани, однако быстро приобрел общецерковный характер [3, с. 180–181]. Материалы журнала охватывали самые разные аспекты социальной и культурной жизни, которые осмысливались на его страницах с миссионерской точки зрения. Издание отражало взгляды и интересы профессионального миссионерского сообщества – активной части белого духовенства и мирян, связанных как с борьбой против «раскола и сектантства», так и с попытками укрепить распадающееся предреволюционное общество на нравственных основаниях.

Осенью 1915 года в «Миссионерском сборнике» была опубликована статья бывшего инспектора народных училищ Д. Аннинского «К вопросу о нашей школе и ее значении в связи с нынешней войной» [2]. Автор констатировал радикальный поворот во взглядах русского общества на само себя в военный период. Он писал: «Настоящая ужасная война всколыхнула все русское море, всколыхнула до дна» [2, с. 585]. Война, с его точки зрения, показала главное – необходимость опомниться, «осознать, что мы должны быть русскими», «сбросить с себя иноземное иго, не одно столетие тяготевшее над нами» [2, с. 585]. Это иго, как считал не только Д. Аннинский, но и широкий круг отечественных консервативных публицистов, – «слепое поклонение Западу» [2, с. 585]. Оно представляло из себя культурную матрицу, парадигму развития российского общества и, соответственно, российской школы. Автор называл этот ментальный «Запад» «немецким».

Однако для освобождения от ига необходимо общественное согласие по вопросу, что же понимать под «русским духом». Ответить на него, как полагал Д. Аннинский, возможно только поднявшись над партийностью, преодолев «старинную борьбу западничества со славянофильством», сосредоточившись на тех основах, с помощью которых и было в прошлом выстроено «огромное, могущественное государство, какова теперь Русь»: «вера, царь и отечество» [2, с. 585–586]. Эти столпы, по мнению автора, необходимо так «внедрить в нас, нашу плоть и кровь <...>, чтобы никакая буря

не пошатнула их» [2, с. 586]. Воспитывая «русский дух» нужно сделать прочной «спайку разрозненных до войны частей русского общества». С точки зрения Аннинского, лучше всего для этого подходит школа [2, с. 586].

«Если мы сами порасшатались, – писал он, – то пусть в этом духе воспитывается новое поколение» [2, с. 586]. Именно школа должна, как считал Д. Аннинский, заложить новую матрицу национальной идеологии: «Человек, прошедши школу, не может вполне отрешиться от тех взглядов и убеждений, какие вложены в него с детства: вера в Бога или безверие, любовь к Отечеству или слепое поклонение Западу, преданность царю или республиканскому образу правления» [2, с. 586].

Казалось бы, автор говорит о необходимости создания именно русской национальной школы, ругает «немецкий Запад», но тут же, парадоксальным образом, приводит в качестве некоего парадигмального примера именно германскую школу. Ссылаясь на известную фразу Бисмарка о победе во время франко-прусской войны немецкого народного учителя, Аннинский пишет: «Школа воспитала весь немецкий народ в духе патриотизма, создала единую Германию из многих частей <...>, школа воспитала немецкий народ в духе преданности, даже обожания своего кайзера, школа вдохнула силу, мощь военную. Таково великое значение воспитания, значение школы» [2, с. 586–587].

В своей статье автор предложил ряд структурных реформ управления народным образованием. В сложившейся к тому времени школьной сети доминировали два типа народных училищ – земские и церковно-приходские. С точки зрения Аннинского, необходимо сближение между ними. Земская школа, считал он, больше склоняется к либерализму, внецерковности, рационализму. Он писал: «Общая характеристика земской школы такова: либерализм в духе западных идей <...>, общая характеристика церковно-приходской школы – церковность и патриотизм» [2, с. 588].

Однако, как полагал Аннинский, именно духовенство в своей совокупности виновато в неправильном развитии земской школы. Он задался вопросом: «Законоучителем в ней состоит приходской священник, так почему же он не противодействует вредному влиянию», почему не ведет миссионерский диалог с интеллигенцией? [2, с. 594–597]. Почему школа оказывается во многом формаль-

ным учреждением, не удовлетворяет «духовной жажды народа», не воспитывает его «с ясным пониманием сути христианской морали»? [2, с. 595].

Аннинский пытался найти ответ на этот вопрос, анализируя положение самого духовенства. Он считал, что приходские пастыри поставлены своим положением в такие рамки, которые «лишают их живой деятельности и создают формальное отношение к делу пастырского служения» [2, с. 597]. Между тем «индивидуальная личность пастыря» не должна «заглушаться и стусевываться», ее необходимо освободить от «шаблонов» «однообразной формы», которые превращают священника в некий «механический орган» [2, с. 597].

«Формализм, существующий доселе в отношениях духовенства между собой, к своей пастве и к школе, угашает дух», – утверждал автор статьи [2, с. 597]. «Добрых плодов, – продолжал он, – можно ждать лишь при условии взаимного доверия, единения низших с высшими, совместной свободной работы, поднятия престижа приходского священника» [2, с. 597].

Таким образом, с точки зрения Д. Аннинского единение всех форм народной школы, а равным образом единение интеллигенции и народа осуществимо через пересмотр положения сельского священника, не только в плане его взаимодействия с обществом, но и во внутрицерковных отношениях. Этот подход был характерен в целом для значительного спектра предреволюционной церковной и светской публицистики. Однако в контексте дальнейших исторических событий он представляется достаточно наивным и поверхностным.

Летом 1915 года Д. Аннинский был убежден в подъеме религиозного чувства основной массы населения России: «Наблюдается теперь всеобщее явление, возникшее с войной: храмы наши при богослужении стали полны молящимися, а перед войной пустовали» [2, с. 597]. Опираясь на публикацию правомонархической газеты «Колокол», он приводит в пример кадета, депутата Государственной Думы профессора М.М. Новикова, вручавшего от Москвы на передовой Гренадерскому полку икону святителя Николая, который «никогда не видал прежде такого обнаружения религиозных чувств, какое видел среди серых героев наших, и сам навзрыд плакал» [2, с. 597].

Но свидетельствовали ли восторженные слова депутата Госдумы, да еще переданные «Колоколом» в период успехов русских войск, о действительном подъеме религиозного чувства в народе? Является ли наполненность храмов в какой-то период времени гарантией от последующего оскудения веры? Д. Аннинскому казалось, что это так. И если все общество уже объединилось на волне духовного воодушевления, тогда духовенство действительно способно возглавить этот подъем и стоит вести речь о тех средствах, которые будут этому возглавлению способствовать.

Однако сегодня нам хорошо известно, что вскоре после восторженных публикаций, на которые ссылался Д. Аннинский, «серые герои наши» поднимали на штыки своих командиров, массово уходили от Церкви, а затем они сами и их дети разрушали храмы. Виновато ли в этом духовенство?

Историческая, социальная, да и духовная наивность автора хорошо видна, например, из следующей фразы: «Теперь русское воинство могуче, с успехом отражает страшного врага потому, что имеет такого Главнокомандующего (непреренно с заглавной буквы. – *Примеч. авт.*) Великого князя Николая Николаевича, который твердым своим истинно русским духом спаял воедино всю многолюдную армию, крепко держит ее в одних своих руках, пред которым за это восторженно благоговеют все до одного воины и на которого с надеждой и с любовью взирает вся Русь» [2, с. 597].

Номер журнала еще был в печати, когда разразился августовский политический кризис 1915 года, великий князь Николай Николаевич был отставлен императором с поста Главковерха, да и сам князь оказался впоследствии так или иначе причастен к подготовке революционного заговора против своего Государя.

Спустя полтора года после публикации Д. Аннинского в «Миссионерском сборнике» вышла статья Н. Петерсона «Как создать национальную школу?» [5]. Даже в конце 1916 года, за несколько месяцев до общенациональной катастрофы, автор, пишущий в одном из ведущих миссионерских журналов, всерьез считал, что национальный характер школы должен опираться на «отечествоведение» (краеведение), астрономию, изучение природы местности, в которой проживают ученики. Он писал: «Только такая школа, которая вместе с обучением будет и изучать местность, где она расположена, во всех отношениях, будет производить метеороло-

гические, сейсмические и всякого рода наблюдения, составлять ботанические, зоологические, археологические и всякого рода коллекции, словом – только школа, которая, обучая, обратится во всенаучный музей, будет истинно национальной» [5, с. 751].

Н. Петерсон верно замечает, что изучение краеведения («отечествоведения») должно связывать в восприятии школьника историю его местности с единой русской историей. Однако он тут же вводит саму эту общерусскую историю в «историю всего мира», «общее дело рода человеческого» [5, с. 753]. Впрочем, основой этого общего дела автор считал религию. Он писал: «В настоящее время Закон Божий играет самую жалкую роль среди других предметов преподавания, которые не только игнорируют его, но и во всем ему противоречат, проповедуя в сущности, что никакой цели, ни смысла в жизни нет, а потому нет и общего дела у людей. Благодаря этому редкий из учеников <...> дотянет до пятого класса, не потеряв веры, а с верою теряется цель и смысл существования» [5, с. 753]. С точки зрения автора так быть не должно.

Однако в словах Спасителя «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28, 19) он делал абсолютно секуляризованный акцент на слове «научите». «Научение, – всерьез писал автор буквально накануне страшной революции, – должно состоять в изучении тех сил, от которых зависит наша жизнь, чтобы управлять этими силами и, таким образом, избавиться от их зависимости, а это и приведет нас к очищению от греха и к избавлению от смерти» [4, с. 754].

«В нашей школе, – продолжал автор, – не может быть вражды между верой и наукой, немецким же педагогам (ведь идет война с немцами и „немецким засильем“. – *Примеч. авт.*) точно не нравится вертикальное положение, возможность обращать взоры к небу» [5, с. 755].

Естественно ожидать, что Петерсон далее заговорит о небе духовном, мире горнем. Однако читаем мы совершенно иное: «В противоположность нынешней школе мы и должны снабдить нашу школу вышкой, обсерваторией, чтобы наше преподавание было наглядно... Коренное изменение в педагогике произойдет лишь тогда, когда небо делается предметом наглядного обучения» [5, с. 755]. Именно совокупность наук, основанная на астрономии, с точки зрения автора, даст возможность «противостоять

всем опасностям, которые могут встретиться земле, нашей обители, противостоять, конечно, не в отдельности, не в одиночку, а в полной совокупности рода человеческого, к чему, то есть единению, и призывает нас Господь наш Иисус Христос, молившийся перед отправлением на крестную казнь – «Да будет все едино» [5, с. 756].

Этот текст о «национальной школе» выглядел бы памфлетом, если бы не открывал номер одного из крупнейших миссионерских дореволюционных журналов. Редактор «Миссионерского сборника» Н.И. Остроумов, при этом в подстрочном примечании скромно напоминает, что «наша жизнь не физическая, материальная только, а главным образом духовная», «поддерживается духовными и благодатными силами, сообщаемыми через таинства» [5, с. 754].

Сам Н.И. Остроумов посвятил воспитанию книгу под названием «Древняя мудрость о воспитании в виду живого и жизненного его значения в настоящее время». Перед самой Первой мировой войной в майском номере за 1914 год он поместил в «Миссионерском сборнике» рецензию-автореферат на нее [4]. Можно было бы ожидать, что этот текст будет посвящен святоотеческой педагогике. Однако редактор православного миссионерского журнала предпочел говорить о педагогике Аристотеля. Собственно, книга Остроумова, которую он теперь переиздал под новым названием и рецензирует, первоначально называлась «Мысли Аристотеля о воспитании и о значении музыки в деле воспитания».

Остроумов писал: «Известно, что значение и влияние Греков (непременно с заглавной буквы. – *Примеч. авт.*) на развитие и образование позднейших народов и до нынешнего времени очень велики. Причина этого в широте и содержательности их духовной жизни» [4, с. 383]. Под этой «духовной жизнью» автор имеет в виду прежде всего философию Аристотеля.

Н.И. Остроумов писал о себе: «В заключение своей книжки автор дает краткую оценку педагогических воззрений Аристотеля с христианской точки зрения. Древнее знание и мудрость, дошедшие в лице Аристотеля до высшей степени совершенства, все же были естественными, не освещенными еще светом истины Христовой: они лишь приближались к этому свету. Поэтому, представив

голос древней мудрости о воспитании, автор намерен выпустить также книжку и об основных принципах христианского воспитания» [4, с. 383].

Но в годы Первой мировой войны такую книжку Николай Иванович так и не издал. Между тем она могла бы очень пригодиться при попытках сформулировать принципы национальной школы, которые предпринимались в его миссионерском журнале.

Сразу после февральского переворота 1917 года Н.И. Остроумов, оставаясь редактором «Миссионерского сборника», начал издавать в Рязани газету под претенциозным названием «Голос свободной Церкви». Здесь от лица Церкви раздавались призывы к «войне до победного конца», восхвалялись «наши доблестные союзники», поносилось «павшее самодержавие» и отстаивались весьма своеобразные для православных людей ценности.

Например, в статье известного церковного писателя и миссионера протоиерея Павла Алфеева под названием «Праздник труда», посвященной 1 мая, говорилось: «В настоящем году свободная Россия в первый раз праздновала международный первомайский праздник. И этот праздник освятила своей молитвой и Православная Церковь. В Рязани накануне совершено было во всех церквях всеобщее бдение, а в день праздника – Божественная литургия. Перемена правления в России изменила и взгляды на социальные явления общественной жизни» [1, с. 2].

Протоиерей Павел Алфеев утверждал, что воспитание в школах должно быть трудовым, и это есть реализация заповеди Божией человеку, которую автор неожиданно усматривал, например, в известных словах книги Бытия: «В поте лица твоего будешь есть хлеб твой» (Быт. 3, 19), сказанных после грехопадения при изгнании Адама из Рая [1, с. 2]. Сейчас мы знаем, что принципы трудового воспитания вполне успешно восторжествовали в ранней советской школе при полном изгнании из нее Православия.

Таким образом, можно констатировать, что в одном из крупнейших миссионерских изданий предреволюционного периода православная проблематика воспитания и образования так и не была разработана на твердой основе святоотеческой мысли. Думается, что этот факт достаточно характеризует идейное поле дореволюционного миссионерского сообщества.

Список литературы

1. *Алфеев П., прот.* Праздник труда / протоиерей Павел Алфеев // *Голос свободной Церкви*. – 1917. – 4 мая (№ 3). – С. 2.

2. *Аннинский, Д.* К вопросу о нашей школе и ее значении в связи с нынешней войной / Д. Аннинский // *Миссионерский сборник*. – 1915. – № 7/8. – С. 585–608.

3. *Виталий (Уткин), игум.* К вопросу о предмете и методе теологии (в применении к изучению журнала «Миссионерский сборник») / игумен Виталий (Уткин) // *Теология и образование : ежегодник Науч.-образоват. теол. ассоц.* – Москва : Познание, 2018. – С. 171–186.

4. *Остроумов, Н.И.* Древняя мудрость о воспитании в виду живого и жизненного его значения в настоящее время : рецензия-авторезферат / Н.И. Остроумов // *Миссионерский сборник*. – 1914. – № 5. – С. 381–384.

5. *Петерсон, Н.* Как создать национальную школу? / Н. Петерсон // *Миссионерский сборник*. – 1916. – № 12. – С. 745–768.

UDC 2-472; 37.017; 930.85

**WAR, CHURCH AND SCHOOL:
MATERIALS OF THE JOURNAL
MISSIONERSKY SBORNIK (1914–1916)**

Vitaly (Igor N. Utkin), Hegumen
Secretary of the Academic Council
Lecturer
St. Alexius Ivanovo-Voznesensk
Orthodox Theological Seminary
E-mail: inok_vitl@mail.ru

For citation: *Vitaly (Utkin, I.N.), hegumen.* War, Church and school: materials of the journal *Missionersky Sbornik (1914–1916)* // *Theological Collection of Tambov Theological Seminary*. 2020, no. 3 (12), pp. 72–81. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to an attempt to comprehend the principles of the national school by the missionary community in the pre-revolutionary period. For the first time, a number of materials from one of the largest pre-revolutionary missionary journals *Missionersky Sbornik* are introduced into scientific circulation. It is shown that before the revolution, the missionary community did not build its pedagogical ideals on the basis of patristic pedagogy.

Keywords: Russian Orthodox Church; missionary community; pedagogical ideals; Orthodox pedagogy; rationalism; national school.

References

1. *Alfeev P., archpriest. Prazdnik truda [Labor Day]. // Voice of the Free Church. 1917, 4th May, no. 3, p. 2. (in Russian)*
2. *Anninsky, D. K voprosu o nashei shkole i ee znachenii v svyazi s nyneshnei voinoi [On the question of our school and its significance in connection with the current war]. // Missionersky Sbornik. 1915, no. 7/8, pp. 585–608. (in Russian)*
3. *Vitaly (Utkin), hegumen. K voprosu o predmete i metode teologii (v primenenii k izucheniyu zhurnala «Missionsrsky sbornik» [On the question of the subject and method of theology (as applied to the study of the journal Missionersky Sbornik)]. // Theology and Education. Yearbook of the Scientific and Educational Theological Association, Moscow : Poznanie, 2018, pp. 171 – 186. (in Russian)*
4. *Ostroumov, N.I. Drevnyaya mudrost' o vospitanii v vidu zhivogo i zhiznennogo ego znacheniya v nastoyashchee vremya : retsenziy-avtoreferat [Ancient wisdom about education in view of its living and vital significance at present time (review-abstract)]. // Missionersky Sbornik. 1914, no. 5, pp. 381–384. (in Russian)*
5. *Peterson, N. Kak sozdat' natsional'nuyu shkolu? [How to create a national school?]. // Missionersky Sbornik. 1916, no. 12, pp. 745–768. (in Russian)*